

Из книги «Под земным арестом»¹

Ежедневные призраки

Ноябрь, дует. По сводам библиотек
несутся колесом и лают мамонты.
Ничем древнюю статью, ничем наше непростительное
содействие резне в Сальвадоре —
не уравновесить. Мне хочется, чтобы они сплелись
в одном и том же корне слова, масштабном, нехило
выпирающем, вихрящемся с

землею в номенклатуре месячных и пожирательской
монокультуре,
прозвищах всех анти-, не- и -измов — желание каждого поэта

открыть *shesheti*, проникнуть в рай
и свое сердце обличать другому до рассвета
Каир ли, Ленинград — и метафор переправы,
еси, искусство.

*

Луксор Яшчилан Ласко
вы призраки иль эманации?
Нью-Йорка улицы — что вши в телеэкранах,
«известия», которыми мы богопочитаем стиральный порошок.
Ну а закоулки, где я гуляю сегодня?
Дивны их хлипкие поребрики, прекрасны урны,
кузовы и задние дворы, под гравием заметный грунт.
Тут больше быта, чем на безликих американских улицах.
Я гуляю по многоуровневым закоулкам памяти, по сваленным
в помойку минутам закоулковых прогулок.

*

Сегодня вспарывают животы крестьянам сальвадорские войска,
а я лезу на шестой этаж за сотней рукописей в «Sulfur», корплю над «Трильсе».
Хотел бы я пересечься с этими войсками тут на ступеньках.
Придурок, это-то тебе еще зачем? Контекст как следует не раскумекал?
Желание отдать жизнь за контекст, приложиться к пахоте текста,
к великодушию окружающих, где анима-душа
— у этого слова, впрочем, тоже туго с окружением
анима, вне контекста,
как бы мне завернуть ее в контекстуальную шкуру?

1 Перевод выполнен по изданию: *Eshleman C. Under World Arrest. Santa Rosa, CA: Black Sparrow Press, 1994.*

*

Теперь всегда так: желанию не полагается конечный пункт.
Визит к Владимиру Голану, дважды, остановлен в дверях,
супруга, заплаканная, внутрь только членам семьи.
Так и общаемся с Владимиром, он в постели, через г-жу Голан.
Передает с ней книжки, с автографом — а сам всего в десяти футах!

Теперь уже ничему как следует веса не сыщешь.
Стихотворение постытса, само не зная зачем,
не касаясь земли. Не касаться земли —
постмодерн? В послужном у меня так:
яма имеется, на разъезды согласен,

согласен возлечь с дословным.

Не «чпокнуть» дословное, а ласкать
натюрморт поверхности,

оттяпанные лица слонов, что пойдут на потертую летную куртку,

умирающие от голода либерийцы, что картонкой выскребают из доков в нефть
втоптаный рис,

мужчины, пожимающие друг другу руки в чане со спермацетом — не на китобойном
судне, а в теле иного.

*

Лошадиная голова. Вульва размером с лошадиную голову
поверх ее шеи.
Сердце творчества — женственность,
но души не достанется без душегубства.

[Резьба на каменной
плите, Абри Селье.
28 000 лет до н. э.]

Нет ничего абсолютно мертвого?
Последние слова Бахтина не спасут
от бурана, который предстоит вынести разуму:
русские, ночью, в ноль градусов,
стоят в очереди за брикетами
пломбира,
пока его выгружают на лоток.

[Ленинград, 1989]

Хумбаба

Человек с клубком внутренностей на месте лица
не станет лгать о лабиринте,
чей выплеск и противовыплеск стоят гидрантом в его взгляде —
если это вообще взгляд (следы булавки — глаза Джека Спайсера,
рассвета фары прожигают Ленинград).
Свою дилемму Хумбаба носит вместо рыла,
у него именно что рыло, не лицо, а залупившийся нарыв,

сваезабойное смятение под маской.
Все, что приходит в наш мир, проходит через его поры.
Всяк ищет Хумбабу в любом увиденном лице —
Всяк ищет человеколабиринт, проводника чрез то,
что все больше крокодиленку напоминает мать,
подлатывая скорлупки.

На лбу Хумбаба носит
крепость, он тяжелоатлет, чью мощь
хранит высокоплотная лицевая древесина
(Хвалой ли окружать Шварценеггера?

Или взрывчаткой?)

Хумбаба не лишен харизмы, харизма — это лабиринт
в скале.

Тебя затягивает страсть самоутверждаться.
Хумбаба — это отпор всякой внешней тяге.
Хумбаба притаился, как центр стягивающегося кольца.
Хумбаба не из тех, кого возьмешь наскоком.

Хумбаба в середине, он стена.

Шоссе Басра – Кувейт

Мне не разжать своих объятий вокруг
иракских новобранцев, что кубарем линияют из танков,
после того как выкинули белый флаг

«Вывод войск» объявлен (не «отступление»),
чтобы не мешали их поджаривать ракетами.

Если бы не вид лиц, сползающих с их обладателей,
смог ли бы я нажать на кнопку?

«Летят фугаски» Дж. Дики —

высоко, на расстоянии.

Не разжать объятий
расстояние, От — стояние,
адская передышка —

между «нами», «ними» — в ней обезврежена жестокость.

Не выкинуть этих огнеуполенников из моей жизни,
не сомкнуть как следует вокруг них объятий,
не вывести мне эти фантомы из мошонки,
не вынести их на тебе, не пронести чрез тебя,
не выделать скорби из их мучений, жидкости мне из моей же скорби,
не выбелить кровь мне этим горем

Ах, гной-многоножка с титьками крови,
этот капкан — наш канкан
эта масса, словотрясина,
застывшее слово в гробу
застывшее слово в жилах
не протащить это терновое слово мне через уретру.

Под гнидным арестом

Я страшусь одну гниду фантазмагорической мощи,
жеребец-опарыша, что не желает быть мухой,
 что всех держит в плену,
всех откармливает, погружает в противодушу
и изнутри истребляет.

*

Нас поминутно взбалтывает в одном глотке с ничто,
 в трепете хаоса, бутилированного
в кровоголовку мужского ядерного уничтожения.
 Грааль по-прежнему неопределим,
ведь общего камня создать не получилось,
 мы разжижены ихором Кали.

*

Я пришвартован к сонорскому вилорогу,
 к кенгуровой крысе из Квинсленда,
 к белоголовому саки, к тебе,
 омерзительная чума новизны,
щит, о который человек сокрушил подземное царство.

Пер. с англ. Ивана Соколова